

ГРИБОВ ИГРАЕТ... ЧАЙНИК

ВЫ ХОТИТЕ написать об актере радио? — спросила режиссер радио Антонина Ильина. — Расскажите о народном артисте СССР Алексее Николаевиче Грибове.

— Но ведь он же актер МХАТа...

— А Ваньку Жукова помните?

И я вспомнил. Я увидел чеховского Ваньку Жукова, сидящего на корточках перед табуретом. Он размазывает слезы по щекам, слюнявит карандаш и выводит на листе бумаги: «Милый дедушка, Константин Макарыч...» С какой болью Алексей Николаевич Грибов через микрофон донес до нас плач Ваньки! Его удивительно человеческий голос подарил нам «Каштанку», «Сон Обломова», «Повесть о капитане Копейкине»...

С тех пор как появился еще один соперник театра — радио, прошло не так уж много

времени — каких-нибудь срок лет. Но не было актера, который не ощутил бы в своем творчестве влияния микрофона. Только одни задерживались здесь недолго, другие оставались навсегда.

...Алексей Грибов не спеша входит в Государственный Дом звукозаписи. Путь его лежит в детскую редакцию. Просили зайти для исполнения важной роли в одной из передач «Волшебного такси».

Он входит в студию, садится на краешек стула и хитро смотрит на режиссера Антонину Ильину. Они хорошо понимают друг друга.

— Нужно сыграть... чайник, — говорит Ильина.

— Какой чайник? — спокойно спрашивает Грибов. Его трудно удивить.

— Разве вы чайников не видели?

— Чайники разные бывают. Одни, которые на тихом огне

стоят, — ласковые, другие — кипучие, свирепые...

— Нам свирепый нужен.

— Ну что ж, я подумаю.

Я слышал этот странный разговор, и, когда Грибов, сидя в коридоре напротив студии, думал про чайник, я понял, что не могу сейчас подойти к нему.

...Я встречаю Алексея Николаевича у выхода из Художественного театра. Мы идем по улице Горького, и артист останавливается возле каждой цветочницы, приценивается к цветам и обязательно покупает. Цветы, однако, не мешают ему сосредоточиться на вопросе, который я задал:

— Чем отличается творческий процесс работы на радио от работы в театре или, скажем, в кино?

— По существу ничем, — отвечает Грибов. — На радио тоже все решает трио: автор, актер, режиссер. Несмотря на

внешнюю незримость, на радио так же, как в театре или в кино, все решает точное скульптурное выражение идеи. Только это скульптурное выражение создается у слушателя голосом актера. Радиорежиссер должен заставить голос актера отдать постановке самые свои сокровенные гаммы... Существует мнение, что на радио актеру для исполнения роли требуется времени гораздо меньше, чем на сцене. Это неверно. Я считаю, что такое мнение родилось из оперативности радио. Если театр может позволить актеру десять репетиций, то радио — только две. С двух репетиций не каждый актер может схватить и верно подать мысль режиссера. Напрашивается вывод: радио, как никакой другой вид творчества, требует хороших актеров.

Мы подходим к дому Алексея Николаевича, поднимаемся к нему в квартиру, и Грибов, как бы продолжая наш разговор, включает радио. Игорь Ильинский читает «Старосветских помещиков» Гоголя. Лицо Грибова сразу делается счастливым.

Он слушает и крякает от удовольствия:

— Как читает, а? Как божественно читает Ильинский! Ведь это же лабораторная работа... А ведь он не слышит реакции публики, без чего актеру очень трудно.

— Скажите, как радиослушатель запоминает голоса?

— Это хитрая штука. Однажды в такси водитель сказал мне: «Где-то я слышал ваш голос...» Я думаю, что он не просто вообще мой голос запомнил. Он «налетел» как-то на меня, читающего на радио в тот момент, когда я очень верно доносил мысль...

Тридцать лет назад Алексей Грибов сыграл в кино Шмагу. А затем сотни ролей на радио и на телевидении.

— Уверю вас, — говорит мне артист на прощание, — что самой большой наградой для меня будет, если ребенок, увидев чайник, кипящий на огне, скажет: «Вот он, чайник, который вчера говорил...»

Р. ГОРИГ,
член Союза журналистов СССР.